

ЭЛЛА ЗЛАТОГОРСКАЯ

КОРОЛЕВА МЕХА



СУБЛИМАЦИЯ ЧУВСТВ

16+

Элла Златогорская

Королева меха, или

Сублимация чувств

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61657088

SelfPub; 2022

Аннотация

Главная героиня романа – Элла Глебовна – после успешного раскрытия первого дела с Александром Сергеевичем Золотарёвым, капитаном, а ныне майором, переехала в другой дом, который ей сняли её сыновья, и осталась в прекрасном курортном городке Морегорске по состоянию здоровья. Жизнь шла тихо и размеренно до тех пор, пока в город не приехала его уроженка – сорокапятилетняя Эмилия Александровна Белявская, московская бизнес-леди, чтобы открыть в новом торговом центре «Полёт мечты» меховой центр под названием «Царство меха». У Милы (она же Эмилия) в родном городе проживали мама и бабушка, и в какой-то момент она решает остаться жить в Морегорске, бросив Москву, с благим желанием провести последние годы жизни близких рядом с ними... Но, увы, прекрасному будущему не сбыться...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Элла Златогорская

Королева меха, или

Сублимация чувств

Глава 1

Раннее утро. Мила ещё не открыла глаза, но чувствовала, как солнышко освещает комнату сквозь кисею занавеси, а ветерок играет с тюлем, как котёнок с клубком ниток. Щемящее чувство радости пронзило её сердце. Она открыла глаза, снова зажмурилась и уже медленно приподняла веки. Как она счастлива! Она дома, в своей родной детской комнате, и сирень всё так же стучит в окошко. Спасибо тебе, Господи, за то, что даёшь почувствовать, что и в сорок пять ты, словно в пятнадцать лет, ощущаешь весну как пору пробуждения и начала новой жизни, что рядом любимые мама и бабушка, что мир прекрасен. Услышав движение в комнате, заглянула мама:

– Милочка, ты проснулась, детка? Быстро умываться и завтракать.

«Как в детстве, – подумала с благодарностью Мила. — Мои любимые море и горы, и мама, и бабушка. Счастье!»
Вскочив, она распахнула окно и поймала в ладони веточку

сирени, так упорно стучавшую ей в окошко.

«Найду или нет?» – всё гадала Мила, выискивая маленький цветок с пятью лепестками. Нашла, сорвала и быстро проглотила, загадывая желание. Каждый год она, как и все девочки в их Морегорске, искала сиреневый лепесточек с пятью лепестками, съедала его и ждала, когда же исполнится её желание, всё надеялась, что скоро-скоро.

Надежда всегда умирает последней, а иногда и вместе с человеком...

– Милка, ты где? – это уже бабушка своим зычным трубадурским голосом зовёт её.

– Бегу, бабуля, бегу! – Мила, как и в детстве, боялась её голоса.

По случаю приезда дочери Людмила Николаевна накрыла завтрак в большой комнате, в так называемой «зале», как любила говорить бабуля. Зал, правда, был 4 на 5, всего 20 квадратов, но такой уютный, такой родной, что милее сердцу Милы не было во всех дворцах мира. Посредине комнаты стоял круглый стол (ещё из бабушкиной молодости) – дубовый, с прочными крепкими ножками, – который раскрывался. Между двумя окнами – диван, уже более современный, с подушечками разной величины, такими красивыми. Наволочки на них шила мама из обрезков разных тканей и подбирала так обдуманно и эстетично, что все любовались маминим рукоделием. У противоположной стены стоял массивный дубовый буфет, резной, со шкафчиками и выдвигаемыми

ящиками. И буфет, и стол были из одного гарнитура, и никто даже не думал менять эту мебель – с бабулей не хотелось спорить, к тому же сейчас это вообще очень модно. Лет пять назад Мила нашла в Морегорске хорошего мебельщика-реставратора, и он привёл всю эту красоту в надлежащий вид. Другую же стену занимал большой плазменный телевизор, с приставкой и спутниковой антенной. Этот Милкин подарок бабуля одобрила:

– Молодец, внучка, угодила старой бабке, хорошо всё видно, ни у кого из соседей нет такого телевизора. Как в кино. Правда, Люда?

– Да, мама, – подтвердила Людмила Николаевна. – У нас у одних на всей улице.

Сейчас Евдокия Ивановна восседала за круглым столом. «Мама уже причесала и умыла бабулю», – подумала Мила, но дурманящие запахи еды отвлекли её от мыслей.

На круглом столе, покрытом скатертью, которую связала ещё бабуля, стояла большая сковорода с яичницей из самых что ни на есть домашних яиц, своих, от курочек-рябушек. Птиц было всего пять штук, но мама любила их и называла «рябушки-голубушки». Рядом со сковородой стояло блюдо с кружевными блинчиками, уже появившаяся молодая картошка, варёная, с укропчиком и маслом, домашняя сметанка, тарелка с сырниками, тонко нарезанное сало и домашняя ветчина.

– Люда, ты где? Хватит уже. Всего на столе хватает. Мо-

локо неси и иди кушать, а то всё стынет, – позвала дочь Евдокия Ивановна.

– Иду, мама, иду, – откликнулась Людмила Николаевна и тут же появилась на пороге. В одной руке она несла молочник, а в другой – большую тарелку с жареной барабулькой. Села между матерью и дочкой, перевела взгляд с одной на другую. Вот они, три поколения женщин их семьи. У каждой из них не сложилась женская судьба, но всё равно они счастливы вместе.

– Люда, а барабулька откуда? Неужто с утра на базар успела? – поинтересовалась бабуля. Бабушка должна была всё знать. После инсульта она плохо ходила, передвигалась только по дому и только с помощью ходулёй, правая рука не работала и висела плетью, но ум был ясный, как и всегда.

– Клава принесла, мама, – покорно ответила ей дочь.

– А что, Клавка рыбачкой заделалась или купила у кого?

– Нет, мама, Серёжа наловил, с утра ходил.

– А он приехал, мама? – спросила Мила у матери.

– Да, детка. Уж несколько дней как приехал.

– Я его со школы не видела... сколько лет прошло.

– Он приезжает раз в пять лет, но у вас отпуска не совпадают, – разъяснила мать.

– Вышла б замуж за него, – вставила своё веское слово Евдокия Ивановна, – может, и счастлива была б – убивался ведь Серёжка за тобой.

– Ой уж и убивался, бабуль. Сразу же уехал в Питер в мо-

реходку.

– А ты сразу в Москву уехала, – с обидой сказала мать.

– Мама, если бы я не уехала, то всего этого и не добилась бы.

– Ой, доченька, денег и славы добилась, а счастья – нет. – Мама, у меня есть сын и друг.

– Какой друг? – засуетилась бабушка. – Опять какойнибудь приспособленец.

– Мама, – поучительно сказала Людмила Николаевна, – это «альфонс» называется.

– Вот я же и говорю: как Гитлера.

– Мама, Гитлера звали Адольф.

– Чтоб ему там, в аду, ни минуты покоя не было, этому Адольфу, – запричитала Евдокия Ивановна.

– Мама, ну хватит, успокойся, – Людмила Николаевна налила маме молока. – Выпей немного молока, мама, а потом уж лекарства, после еды которые. Доченька, покушай, детка, ты так мало кушаешь, – Людмила Николаевна стала накладывать Миле в тарелку всё подряд, как в детстве.

– А Герочка когда приедет? – спросила бабушка у внучки.

– Скоро, бабуля. Герман с Еленой прилетит, а Платон – с гостями.

– Тьфу, назвала ребёнка Германом! Слышать не могу.

– Мама, ну ты же называешь его Герой, и ему это нравится, – Людмила Николаевна пыталась успокоить разбушевавшуюся мать.

– Бабуля, Платон остановится в новом доме с гостями, там уже всё подготавливают.

– Тьфу на твоего Платона! Он же на 10 лет тебя моложе, ты родить ему не сможешь. Бросит он тебя, выпотрошит всю и бросит. Людка, скажи ты дочке своей! Не девочка, чай понять должна.

– Мама, что-то ты разошлась совсем. Сто раз говорила уже, – Людмила Николаевна спокойно отвечала матери. – Не переживай, а то давление поднимется. Милочка сама всё понимает – сорок пять лет уже.

– Мам, – у Милы чуть слёзы не брызнули из глаз, – мама, мы уже пять лет вместе.

– Вот из-за него и Гера не живёт с тобой – не хочет, – Людмила Николаевна переживала за внука. – Мальчик один в большой квартире, в Москве.

– Он сам хотел один жить, вот и купила ему квартиру в центре. Женится – и с женой будет жить. Мама, ему 27 лет, он уже не маленький. И Платон тут ни при чём.

– Ты права, Милочка, – Людмила Николаевна попыталась как-то успокоить дочь. – Вот именно, женится и будет жить со своей семьёй.

– Люда, – Евдокия Ивановна уже переключилась на другое, – а Серёжка Дубов в отпуск, что ли, приехал?

– Нет, мама, насовсем, он на пенсию вышел.

– На какую это пенсию? Что ты говоришь? Он же Милкин ровесник.

– А у них, у военных моряков, пенсия ранняя, по выслуге лет, – спокойно объясняла матери Людмила Николаевна. Сразу видно – она спокойный, степенный человек с ангельским терпением.

– А семья переехала?

– Нет, мама, он развёлся с женой уже несколько лет назад. Квартиру в Ленинграде оставил жене и дочери, а сам сюда переехал к матери.

– Клавка-то, твоя подружка, рада-то, небось? – всё продолжала старушка допрашивать дочь.

– Как сказать. Что развёлся – не рада: там же ребёнок, хоть и сноху она не привечала. А что сын теперь с ней рядом – очень рада. Клава говорит, что он молодой, красивый – найдёт себе женщину у нас, в Морегорске.

Люда и Клава дружили уже около пятидесяти лет – как Клава замуж вышла в соседский дом (муж привёз её из одной из кубанских станиц), так они и подружились. А потом и дети в один класс пошли. Хоть Клава и немного помоложе Люды, но была мудра и работяща, как и все казачки.

– Найдёт, конечно, найдёт. Женщины – эшелонами, а мужчины – по талонам, – произнесла старушка свою любимую поговорку и была права. У нас, в России, дефицит настоящих мужчин. Россия – страна одиноких женщин.

Мила слушала перепалку бабушки и матери, и на душе у неё потеплело: она – дома. Жизнь состоит из таких радостных мелочей. Внутрисемейная дегустация утренних блюд

подходила к концу, когда раздался стук калитки и потом запахнулась дверь.

– Эмилия Александровна дома? – раздался голос Тани Бажановой, Милкиной одноклассницы и закадычной подруги.

– Дома, дома, – ответила мать. – Заходи, Танюша, садись завтракать.

– Спасибо, тётя Люда, я уже поела. Своих накормила, отправила кого куда – и к вам бегом. Привет, королева меха! – Татьяна бросилась к Миле, и они горячо обнялись и поцеловались.

– Да уж, королева... – ворчала бабушка, но явно с затаённой гордостью.

– Здравсти, бабуля, – очнулась Таня и поздоровалась с Евдокией Ивановной. – Мила в самом деле королева, её так в Москве и называют – королева меха. Мила, ты ещё не одета? Давай быстро, у нас столько дел, мне надо с тобой посоветоваться. Я ведь много чего не знаю, а у нас всего неделя осталась, – тараторила Татьяна.

– Не суетись, Танюша, всё успеем, – и молодые женщины, шушукаясь, прошли в комнату Милы.

Людмила Николаевна стала прибираться со стола, а Евдокия Ивановна, нацепив очки, уставилась в телевизор смотреть очередную передачу про здоровье.

Прямо в центре города на месте снесённого старого здания универмага стоял новый торговый центр «Полёт мечты». Его открытие планировалось одновременно с началом

курортного сезона. Ждали много гостей из столицы, инвесторов и знаменитостей. Здание соответствовало своему названию. Семиэтажное строение из стекла и бетона с серебристой крышей, устремлённой ввысь. На крыше расставили столики для гостей, которые в самом деле могли при желании «взлететь» на один метр: вместе со стульями столы были установлены на одной платформе и нажатием рычага поднимались на определённую высоту – своеобразное развлечение для богатых посетителей. Внутри здания были бутики, фудкорты, рестораны, фонтаны и детские площадки, ледовый каток со зрительным залом для шоу-программ. Известные бренды здесь выкупили торговые места, вот и Эмилия для своего мехового шоу-рума приобрела почти половину торговой площади первого этажа. Место было престижным, и ещё на стадии строительства Мила оплатила своё долевое участие. Шоу-рум «Царство меха» уже сейчас, ещё без каких изделий, завораживал. Вся площадь его была визуаль-но разделена на три части. Первая – торговая, где уже стояли стойки, манекены, витрины, стеллажи и прочее торговое оборудование. Здесь будут выставлены изделия для продажи. Середина шоу-рума отдана под подиум и кресла для зрителей – здесь манекенщицы будут демонстрировать изделия. А в третьей части планировалось меховое ателье, где скорняки станут переделывать то, что не нравится покупателям, или шить новые изделия под заказ. Внутри шоу-рума ещё работали дизайнеры, доводя всё до совершенства. Изделия

должны прилететь из Москвы с Еленой Сотниковой – партнёром Милы по бизнесу – и сыном Германом.

– Милочка, – волновалась Таня, – до открытия осталось совсем мало, нам надо всё успеть. Я никак не могу хорошего механика найти.

– Танюша, не переживай, пока постоянный механик нам не нужен. На старой фабрике трикотажной – помнишь эту фабрику? – были хорошие механики. Найди их, пусть машинки наладят. Я сама проверю потом.

– Ой, Мила, этой фабрики давно уже нет... всё раскурочено, разворовано. Только пустые глазницы окон видны. Но механика найду хорошего. А как тебе подиум, дорожки, кресла?

– Великолепно. Мне нравятся. А моделей нашла?

– Нашла, Мила. У нас в городе есть модельное агентство «Стиль», договорилась с директором. Как придут изделия, сразу начнутся репетиции.

– Изделия привезёт Герман с Леной, через три-четыре дня будут здесь. Остальное довезёт Платон. И гости, приглашённые нами, с ним приедут. Таня, а продавцы-консультанты хорошие, обучила их?

– Хорошие, пока нашла только двух, но специалистов. Говорила с ними, как ты мне и наказывала. Но, думаю, как изделия вывесим, и ты ведь с ними поговоришь?

– Конечно, обязательно. Ну а ты? Ты же была в Москве в наших бутиках – всему ведь обучилась.

– Ой, Милочка, как я могу всему обучиться?.. Переживаю очень. Кстати, форму уже пошили всем. Охрану для шоу-рума наняли приличную, чтоб воровство на корню пресечь. Изучала всё, что смогла. Постараюсь тебя не подвести.

Татьяну Мила назначила директором шоу-рума. Она за всё отвечала и уже почти полгода вплотную занималась организационными вопросами и обустройством. Когда Мила предложила ей эту работу и озвучила сумму зарплаты, Таня испугалась. Испугалась ответственности и слишком большой суммы.

– Милочка, у нас такую большую зарплату даже в мэрии не получают!

– А в мэрии, Танюша, не работают – штаны только протирают. Не знаю, за что им деньги платят. Там больше половины надо выгнать: раздули штаты, чтоб деньги отмыть. Набрали непрофессионалов. Чего их держать? А у нас работать надо, да так работать, чтоб за нашими шубами сюда не только со всей России приезжали, а даже из-за границы, как в Москву к нам ездят. Это тяжёлый труд, Танюша. У нас будут не только шубы, но и меховые аксессуары. Тебе придётся учиться.

– Ты же знаешь, учёбы я не боюсь. Лишь бы тебя не подвести...

– Не подведёшь. Ты упорная. Бери отпуск в своём детском саду – сколько лет там за копейки пашешь как заведённая. В общем, поговори с Мишкой – и ко мне, будешь месяц у

меня жить и везде со мной ходить или с Леной. Увидишь всё своими глазами. А как наладим хорошую торговлю, так здесь и меховую фабрику откроем.

Вот так полгода назад Татьяна и решилась на такую авантюру. Муж Михаил был не против и даже помогал ей – следил за отделочниками, электриками. Татьяна горела на работе и не меньше Эмилии ждала открытия торгового центра.

...Мила прогулялась пешком до старой трикотажной фабрики «Динамо». Когда-то предприятие гремело на весь Советский Союз. Но нынешнее запустение на него навевало уныние. Старик-сторож, который охранял неизвестно что, за 500 рублей пропустил на территорию. Двухэтажное добротное здание послевоенной постройки ещё было крепким. Много чего растащили, конечно, но территория, хозпостройки и здание самой фабрики можно было реконструировать. Мила решила про себя, что переедет жить в Морегорск. Бабушка совсем уже старенькая, и держится только благодаря профессиональному уходу дочери, Людмилы Николаевны. Маме уже самой 75 лет. Она родила Милу в 30 и всю жизнь работала. А Германа они вдвоём с бабушкой до 7 лет вырастили одни, без Милкиного вмешательства. Это потом уже Гера пошёл школу в Москве. Мила, конечно, хорошо им помогает, но деньги не заменят им её присутствия. Ей надо быть здесь, с мамой и бабушкой. Она неоднократно заводила разговор об их переезде в Москву, но они воспринимали это в штыки, как личное оскорбление. Герману Мила передала

все свои навыки и умение, из него выходит прекрасный руководитель и профессионал. Он останется в Москве и будет работать вместо Милы в партнёрстве с Еленой.

На Елену она могла рассчитывать как на саму себя, они знакомы почти с первых дней пребывания в Москве. Ещё Германа не было на свете, когда они вдвоём начинали мечтать о своём будущем. Потому Мила и присматривала себе хорошее помещение. Здесь она уже для себя создаст производство шикарных шуб, именно таких, о которых она мечтала – эксклюзивных, штучных, для души. И будет стоять только её имя на бирке. Их совместное предприятие – «Царство меха» – известно за пределами страны, а изделия фирмы «Эмилия» будут приобретать мировые звёзды. Осталось только выкупить эту фабрику полностью – всё дело во времени. Но она была уверена, что это ей удастся – деньги у неё были, а они в бизнесе решают многое. От этих мыслей её отвлёк сторож.

– Ну что, девушка, посмотрели? А то ненароком кто заедет?

– А что, кто-то приезжает?

– Да, бывает. То с администрации, то мэр как-то с мужиками серьёзными заходил. Может, продать хотят, может, что ещё. А вы, барышня, для каких целей смотрите?

– А я тоже, может, купить хочу.

– Да вы что? – сторож сначала с удивлением, а потом с уважением посмотрел на Милу. – Фабрика дорогая, навер-

ное. Хорошая фабрика была. Сгубили всё, окаянные.

– До свидания, – Мила весело помахала ему рукой. – Если куплю – оставлю вас работать.

– Смотри, барышня, обещала, – сторож помахал ей в ответ.

О своих планах Мила матери ещё не рассказала. Вот откроется торговый центр, начнёт работать шоу-рум, переговорит она с Еленой и Германом, а потом уже маме всё скажет. Вдруг она вспомнила о Платоне и рассмеялась: надо же, про него даже и не подумала, как будто он вещь какая-то. Куда же ему деваться: куда она – туда и он. Он полностью от неё зависит: она ему предоставила работу, она ему платит зарплату, он живёт в её квартире. Но без Платона Мила как без рук. Она привыкла к тому, что он выполняет любое её поручение и любое её желание. Не захочет – пусть идёт на все четыре стороны: обойдётся, переболеет и пройдёт, не впервой.

Глава 2

И к своему новому дому, который она построила Мила, опять пешком через весь город, пошла на берегу моря. На том берегу стояло два десятка особняков, похожих друг на друга. Охраняемая территория, окна выходят на море. О, море, море, любимое море. Мила шла по маленькой набережной этого экопосёлка, любовалась своим морем и не могла понять, что она делает в шумной, суетной Москве, когда просто не может жить без моря. Этот маленький посёлок находился вдали от курортных центров, бесшабашного разгула и шумного веселья. Он оказался именно тем местом, которое ей было нужно. Море в начале мая особенное, оно тоже оживает, как и вся природа. Грань между небом и морем стирается – и небо, и море, ясное и чистое, как слеза младенца, становятся единым целым. Вдали виснут на горизонте корабли, словно сошли с картин любимого Милкой Ивана Айвазовского, великого мариниста. «О, некоторые смельчаки даже купаются, – удивилась Мила. – Видно, приехали с крайнего севера, где сейчас холодрыга». Любованье морем её всегда успокаивало. Даже ещё будучи девчонкой, она в порыве юношеских страстей прибегала к морю и говорила с ним. А сколько раз они с Таней специально ездили в Феодосию, чтоб посетить дом-музей Айвазовского и полюбоваться его картинами, где море было живое и в шторм,

и в штиль. А несколько лет назад она перечислила крупную сумму для этого музея. Указала даже на то, на что бы она хотела, чтобы были потрачены эти деньги. Ей хотелось, чтоб они пошли на реставрацию картин малого размера, которых было великое множество у этого гениального художника. Он любил море и Крым так же, как и она, и завещал все свои картины и дома своему городу. А Мила хотела хоть что-то сделать для своего любимого города, с одной стороны окружённого горами, с другой – морем, имеющего уникальный ландшафт. Он имеет право на всё самое лучшее, и она ему подарит музей меха, фабрику меха, шоу-рум меха, она будет жить здесь и стареть здесь.

Мила искала глазами свой дом – новенький коттедж из специального горного камня розового оттенка, светлый, с окнами до пола на террасе, с винтовой резной деревянной лестницей на второй этаж, с просторным холлом, откуда были выходы в гараж, в бассейн, на кухню, в санитарные комнаты, в каминный зал. На втором этаже – несколько спален, кабинет и открытая веранда с видом на море. Дом был полон света и воздуха – то, о чём она мечтала всегда. Все строения в этом посёлке были одинаковы на вид, а внутреннюю планировку хозяева уже делали по своему усмотрению. В этом году Мила несколько раз прилетала, чтоб принять дом окончательно. Мама нашла семейную пару, которая присматривала за ним, убирала в комнатах, во дворе, ухаживала за цветами и деревьями – в общем, хозяйничала, пока Мила отсутство-

вала. Мебель, шторы, жалюзи, посуду, технику – уже всё завезли и установили. Мама приходила, смотрела и контролировала. А сейчас Миле предстояло увидеть самой свой дом мечты в законченном виде. Она позвонила Вере – женщине, которая присматривает за домом, – и попросила открыть калиточку во двор со стороны моря. Открыл ей Верин муж – он возился во дворе: подготавливал к приезду гостей зону барбекю. Вера вышла встречать Милу.

– Здравствуйте, хозяйка! С приходом!

– Здравствуйте, Вера. Но я вам никакая не хозяйка. Я просто ваша работодательница, и можно называть меня Милой. Этого достаточно.

– Всё готово к встрече гостей. Осталось только закупить продукты и пригласить кухарку. Если хотите, я могу и сама приготовить.

– Хорошо. Думаю, что в первые дни, когда приедет много гостей, мы пригласим кухарку и шашлычника. А в остальное время вы и сами справитесь. Через два дня приедет моя подруга и мой сын. Сын будет у мамы, а я с подругой поселюсь здесь. Дней через пять прибудет побольше гостей, надо все спальни и гостевые комнаты подготовить, закупить много еды и напитков. Давайте мы с вами составим список, и завтра вы можете начать с мужем закупаться.

– Хорошо, Милочка! Всё будет на высшем уровне, не переживайте.

– Вера, я сейчас пойду посмотрю свою спальню и кабинет,

а вы составляйте список, потом вместе обсудим.

– Хорошо, Милочка!

Мила поднялась к себе в спальню, разлеглась на большой удобной кровати и закрыла глаза. Ей было очень тоскливо, но она не скучала по Платону как другу и мужу, она скучала по его мужским рукам и страстным губам. По истечению шести лет, из которых они пять лет жили вместе, она поняла, как он ей неинтересен. Зачем столько лет она терпела его возле себя? Из-за секса или потому, что он ей стал необходим как помощник? Мила удивлялась сама себе: какая она всё-таки циничная. Но убить в себе этого мерзкого человечка, который иногда выскакивал из неё, она никак не могла. Большой бизнес и большие деньги развращают людей. Хорошо, что мама не может прочесть её мысли. Бедная, кого она вырастила? Мама такая нравственная, порядочная, а дочь вот какой вышла! Платон – красивый молодой мужчина 35 лет, приехал в Москву за мечтой из Омска. Познакомились они очень банально. На парковке фитнес-центра она, сдавая задом на своём новеньком внедорожнике, задела чужую машину. Автомобиль был российского происхождения, похоже, не первой свежести, но Мила хорошо его ударила, при этом её внедорожник нисколько не повредился. Чужая машина не загудела, не заорала, как это обычно бывает, когда включена сигнализация. Мила вышла из авто, побила по колёсам – и опять ни звука. Никто к ней из парковщиков не подошёл – похоже, здесь их и не было. Мила очень

удивилась: фитнес-центр большой, круглосуточный, на первом этаже ещё находились какие-то спортивные заведения, но никому не было дела до припаркованных здесь машин. Мила сфотографировала чужое авто, написала записку с повинной и свой номер телефона. За свои поступки она привыкла отвечать, а вина за побитую чужую машину целиком и полностью лежала на ней. Сейчас же она очень торопилась. В крайнем случае, завтра найдёт владельца автомобиля – на парковке таких непрезентабельных машин было очень мало. Абонемент в фитнес-центр стоил очень дорого даже по московским меркам, его посещать считалось престижно. Мила не стала гадать: ну что ж, подождём звонка.

Позвонили ей рано утром, вернее, по её меркам было ранее утро – 9 часов, она ещё глаза не успела продрать и даже не хотела брать трубку: номер высветился незнакомый, и она испугалась. Она всегда пугается незнакомых номеров из-за сына: а вдруг что с мальчиком случилось. Это вечное беспокойство за ребёнка не давало ей покоя.

– Да, – пробормотала она сонным голосом, – слушаю.

– Извините, – ответил ей приятный мужской голос. – Вы вчера оставили на лобовом стекле моего автомобиля записку.

– Записку... я... – она сначала даже не поняла, о чём речь. – Я написала записку?

– Да, – и на том конце трубки замолчали. – Наверное, я ошибся, – упавшим голосом произнесли и отсоединились.

И вдруг она вспомнила. «Как я могла забыть? Это же я ударила чужую машину!» Она сразу вскочила и перезвонила. Трубку немедленно взяли, как будто ждали звонка.

– Да, – прозвучал тот же бархатный мужской голос, – я вас слушаю.

«До чего сексуальный голос», – подумала Мила.

– Простите меня, я спросонья не поняла сначала. Да, это я оставила вам записку. Я ударила вашу машину нечаянно, но сигнализация не сработала, никто не вышел, и я написала записку.

– У меня нет сигнализации, – ответил обладатель бархатного баритона.

– Нет сигнализации? Это безответственно, – сразу включив руководителя, стала поучать Мила, но потом спохватилась: – Простите, я виновата и хотела бы оплатить ремонт вашего автомобиля. Как и когда мы можем это сделать?

– Я где-то через час буду на том же месте, где вы ударили машину, мы можем встретиться.

– Хорошо, – почему-то сразу согласилась она, хоть и не планировала сегодня ехать в фитнес-центр, но поплавать в бассейне можно. – Я, как подъеду, сразу вам позвоню.

Тогда была весна, как и сейчас, она была моложе на шесть лет, глупа и амбициозна тоже на шесть лет. Он был красив, строен, полон планов. В фитнес-клуб он не ходил и даже не был инструктором, он преподавал латиноамериканские танцы в возрастной группе и часто вечерами там бывал, а ещё

подрабатывал в ночном клубе танцовщиком (по крайней мере, так он говорил в начале их знакомства). Потом, посетив этот ночной клуб, Мила поняла, что он стриптизёр, увидела, как женщины млели от него. Она пришла туда с Еленой – своей подругой и партнёршей. Платон не знал, что она будет, – они инкогнито пришли. Елена, увидев, как женщины рвут его на части, сразу пыталась отговорить Милу от её безрассудной затеи начать с ним жить. Но Мила была непоколебима: как только Герман ушёл в новую квартиру, она сама предложила переехать Платону к ней. До этого они встречались то у него на съёмной квартире, то в гостиницах. Платон на самом деле по паспорту был Павлом, дома его так и звали – Паша. Но после того как стал серьёзно заниматься танцами, он сам назвал себя Платоном. Пашей он остался в Омске.

Год они встречались до того, как стали вместе жить. И за этот год Платон показал себя не только хорошим любовником, но и отличным другом: безотказным, честным, добрым, хозяйственным – он стал её правой рукой. В нём не было наглости и цинизма. Со временем Мила привыкла к Платону, как привыкают к старым разношенным тапочкам: и выбросить жалко – хорошие, удобные, – и приелись уже, раздражают. В итоге Мила, будучи фаталисткой, решила, что судьба сама всё решит за неё. Вряд ли Платон захочет жить в Морегорске. Он прекрасно понимал, что Миле изрядно поднадоел, что она ему никогда не родит. И Мила знала, что Платон готовит отходные пути и у него наверняка появилась ка-

кая-то девица. После открытия шоу-рума она объявит близким о своём решении. Сильная женщина, когда её никто не видит, – интересное зрелище. Так и Мила, приняв решение, отступить не намерена. Реакция будет у всех неоднозначная, но разная. Главное, что она будет с бабушкой и мамой в их последние годы, а Герман уже взрослый парень, он уже давно живёт самостоятельно.

Глава 3

Герман отмахивался уже от неё, а Милка всё обнимала и целовала своего взрослого сына. Елена стояла и радостно улыбалась, а её маленькая дочурка Даша хлопала в ладоши. Даше уже было 10 лет, и она выросла умненькой и доброй девочкой.

– Дашуля, какая ты уже большая и красивая! – Мила громко чмокала свою крестницу в обе её румяные щёчки.

– Хватит уже, задушишь ребёнка, – солидно высказался Герман. Он считал Дашу своей сестрёнкой, опекал её и баловал.

Потом уже очередь дошла и до Елены – партнёра и подруги, единственной, которая знала о ней всё.

– Я сделала великое дело, Ленка, – радовалась Мила, обнимая подругу.

– Какое, Милуся? – они направились к ленте встречать багаж, впереди них шли дети. Герман крепко держал Дашу за руку, она вприпрыжку топала рядом с ним и что-то без умолку болтала.

– Какое?! Самое главное! Десять лет назад я заставила тебя родить это чудо. Теперь наши дети не одни, они есть друг у друга. Мир людей безжалостен, сама прекрасно понимаешь. Нас не станет, а они будут помогать и поддерживать друг друга.

– Милочка, если бы ты знала, как я тебе благодарна. Практически ты всё тащила на себе одна, весь бизнес, пока я ходила беременная, и потом, до года Дашеньки. Всё боялась её кому-нибудь доверить.

– Ленка, ты что! Во-первых, с тобой была твоя мама. А когда я Германа носила, кто был со мной? Только ты и мама. А что у наших детей отцы «лётчики-испытатели», виноваты мы сами. Но с другой стороны, мы независимы, богаты и свободны.

– А твой Платон?

– У меня сейчас другие планы.

– Слава Богу! Неужели ты его наконец вытуришь, Мила?

– И за что вы все его не любите? Он хороший, нам сколько помогает.

– Мила, он за это получает зарплату, и очень хорошую. Живёт на всём готовом у тебя. Интересно, куда он свои деньги деваает?

– Родителям в Омск отправляет – у них пенсии маленькие, работы мало.

– А мне кажется, что он себе уже успел приобрести какую-никакую недвижимость.

– Ну и хорошо. Побыстрее согласится на мои условия.

– Какие ещё условия? Мила, что ты надумала?

– Потом, Леночка, потом.

Тем временем Глеб снял с ленты пять громадных чемоданов.

– Лена, это изделия? – Мила указала рукой на чемоданы.

– Да. Ещё Платон привезёт два таких же чемодана, и Олег Шарапов – два. В одном наши изделия, в другом – его аксессуары. Для открытия вполне достаточно. Я привезла то, что будут примерять манекенщицы.

– Отлично. Тогда сразу едем в торговый центр.

Олег Шарапов – известный дизайнер, по меху он тоже работает, но только в малых формах: рукавицы, шарфы, сумочки и много другой мелочи. Он – большой друг девочек, и все кусочки меха они продают ему. Он дополняет их коллекции своими аксессуарами, вот и сейчас они ему тоже выделили две витрины. Они всегда помогают друг другу. Олег тоже сам выбился в люди, как он любит говорить. Достиг определённых высот, и как дизайнер по вечерним туалетам известен даже в Европе.

Шоу-рум Лене понравился сразу, безоговорочно. Всё было сделано по уму, продумана каждая мелочь – торговая площадь позволяла развернуться. Пока Таня тискала детей, Лена уже дала команду девочкам-продавцам распаковывать чемоданы, вывешивать товар, принялась показывать, как отглаживать меха паром. Таня обнялась и с Леной, после чего стала вместе с Германом сверять накладные.

Раздался звонок.

– Да, мама. Прилетели, и мы уже в торговом центре, – отчитывалась Мила. – Да, скоро все будем. Не зайдём ни в какой ресторан. Домой обедать. Да, и Дашулю взяла. Едем,

едем. Завершив разговор, Мила обратилась к сыну и подружке:

– Мама и бабушка паникуют, ждут нас. Лена, Герман, мама нервничает, поехали. Стол накрыт, ждут нас. Танюша, ты с нами?

– Нет, конечно. Здесь столько работы. Надо всё подготовить. Завтра с утра придут модельки скакать, ещё я программиста жду – необходимо наладить кассовые программы на компьютере. В накладной все цены надо внести. Дел много. Идите, тётё Люде привет.

– Тётя Таня, может, остаться вам помочь? – спросил Герман.

– Нет, Герочка, спасибо. Мы с девочками справимся сами. А тебя бабули заждались.

– Таня, я машину забираю.

– Хорошо, Мила, она мне не нужна.

Мама встречала их во дворе. Первой бросилась в объятия бабушки Дашенька, потом – Лена, а уж затем Герман.

Людмила Николаевна целовала, обнимала своего единственного внука и плакала. То же самое повторилось и с Евдокией Ивановной. Герман привык к своим женщинам и всё принимал стойко.

– Лена, ты свои и Дашкины вещи оставь в машине, а Герман свои пусть заберёт.

– Почему это? – всполошилась мать.

– Мама, мы с Леной будем спать в новом доме, а Герман

здесь. Места нам всем не хватит.

– Когда-то всем хватало... – заворчала бабуля.

– Хорошо, – согласилась мать.

Герман взял свой рюкзак и ноутбук отнёс в Милину комнату.

– Бабуля, – крикнул он из комнаты, – я ж в маминой детской?

– Да, роднуля, – бабушкин голос от счастья даже дрожал.

Счастье – это от слова часть, нужно собрать по частям своё счастье. Вот сегодня Людмила Николаевна собрала по частям: больная, но живая старая мать, любимая, умная, красивая дочь и обожаемый внук. Не это ли счастье? Где нет хороших стариков, там нет хорошей молодёжи.

– Тётя Люда, что за ароматы? Я сейчас умру от этих запахов, или у меня будет голодный обморок.

– Руки помыли, или проверить? – в Людмиле Николаевне заговорила бывшая медсестра.

Все протянули ей руки по старой доброй привычке.

– Тогда за стол – бегом, –скомандовала Милина мама.

Стол был сервирован парадным сервизом. Посредине стола стоял супник с первым блюдом, а остальная еда была уже в тарелках. Людмила Николаевна приготовила всё самое вкусное и полезное. А вкусная еда человека веселит. Людмила Николаевна разлила всем по тарелкам борщ, подала к ним пампушки.

От тарелок шёл пар, запах борща дурманил и сводил с

ума.

– Девочки, а может, винца домашнего? Осталось вкусное, красное, ещё пятилетней давности, – предложила Людмила Николаевна. – За хорошим столом, да с вином, да в душевной компании... Давно мы так не собрались.

– Конечно, – моментально откликнулась Евдокия Ивановна. – Людка, носи вино.

Все дружно засмеялись.

– Ой, мамуля, ты у меня единственная девочка, которая никогда не откажется.

– А мне надо – врач прописал. Сказал, каждый день понемногу. А ты только по праздникам мне вино даёшь.

– Да, мама, сегодня праздник – дети все собрались.

– Да, Люда, праздник у нас, дочка, – Гера наш приехал, – Евдокия Ивановна вздохнула. – Когда в следующий раз увижу нашего мальчика – одному Богу известно, – старушка подняла глаза вверх, что-то про себя шепча.

Людмила Николаевна встала из-за стола, чтоб за вином в погреб спуститься, но Герман её опередил:

– Не надо, бабуля, я сам.

– Хорошо, мой маленький, ты сам знаешь, какое и где.

Здесь всё твоё.

Даша стала посмеиваться:

– Бабушка Люда, какой же Гера маленький, он уже давно большой.

– Дашуля, для меня вы все маленькие, а ты самая малень-

кая.

– И мама, и тётя Мила? – Даша всё пыталась Людмилу Николаевну.

– Все. Все. Ешь, деточка, ешь на здоровье. Так, поели борщ? Тарелки давайте.

– Тётя Люда, это индоутка с черносливом по бабушкиному рецепту? – Лена аж причмокивать стала. – Мне бёдрышко и чернослива побольше.

– Я знаю, что и ты, и Гера любите мою утку с черносливом, да уж готовить не могу, но Люда хорошо делает, – глаза Евдокии Ивановны радостно засветились. – А где Гера до сих пор?

– Я здесь, баба Дуся, – Герман уже шёл с бутылкой в руках. Людмила Николаевна взяла бутылку у Германа из рук, протёрла от пыли и разлила вино по бокалам.

– Мама, скажи пару слов.

– Скажу, Люда, скажу. Главное – чтоб вы были живы и здоровы и войны никогда не было, – и взгляд старой женщины устремился к портрету, который висел на стене, где она, молодая и красивая, в самодельной фате, и молоденький лейтенант в погонах серьёзно смотрели вперёд, а в глазах светилось счастье.

Глава 4

Когда началась война, Дусе было всего 15 лет, а её младшему брату – 10. В первые же дни войны на фронт ушёл отец. Мама с детьми так

и осталась в Морегорске, куда они всей семьёй переехали буквально за год до войны. Отец работал в рыболовецком совхозе, а мать санитаркой в госпитале. До этого они жили на хуторе с бабушкой и семьёй младшего брата отца, но, подумав, родители решили переехать в город – дети уже подросли, Дуся поступила в медицинское училище. Она мечтала стать акушеркой и помогать женщинам, но доучиться ей не пришлось – грянула война.

Санаторий, где работала мама Дуси, переоборудовали в эвакогоспиталь, медучилище закрыли, зато открыли медицинские курсы, куда набирали девушек старше 18 лет для обучения и отправки на фронт. Дуся рвалась туда, но её не брали и даже пригрозили, что матери скажут. Дуся помогала маме на работе в госпитале, а со временем её даже поставили на довольствие. Брат ходил в школу, и жили они в том же бараке, комнату в котором получил отец от рыболовецкого совхоза. Иногда Дуся с братом ездила на хутор к бабушке, где тётя их привечала, поила, кормила, а бабушка давала с собой корзину с провизией. У дяди была большая семья: жена и четверо детей, все мал мала меньше. Мама передавала с

детьми им мыло, старые Дусины с братом вещи, из которых они выросли, пелёнки – что могла, то и отправляла. Все надеялись на то, что война быстро закончится и Красная армия выгонит вероломных захватчиков с нашей земли.

На хуторе так и думали – там жили несколько семей дальних родственников покойного Дусиноного дедушки. На хуторе была тишь и благодать, как будто и вовсе войны нет, если бы не отсутствие взрослых мужчин. Остались лишь женщины, старики и дети. Как только приходила Дуся с братом, появлялись молодухи и старики.

– Дуська, что там слышно в городе? Раненых много? А наших не видела? – все задавали вопросы вразнобой, а Дуня всё отвечала.

– Раненых уйма. Все кричат, стонут, плачут. Говорят, что немцев тьма-тьмушая, – гордо рассказывала Евдокия, чувствуя себя героиней. – Хуторских никого не видела, а то бы прибежала, сказала. Я ведь уже в госпитале работаю, мне даже хлебную карточку дали.

Старушки причитали, молодухи плакали, деды на них шикали, мол, не орите, скоро войне гаплык.

В конце декабря 1941 года госпиталь эвакуировали, раненых увезли, медицинский персонал уехал тоже, остались санитарки, сторожа, прачки. Дусина мама с детьми тоже не уехала, мыкалась туда-сюда, не знала, куда приткнуться, где копеечку заработать. А после католического Рождества 1942 года торжественно, под парадный марш вошли в город фа-

шисты. Они чувствовали себя победителями, хозяевами города. Такой лакомый кусок, как Морегорск, очень их привлекал. Многие жители эвакуировались, но Дусина семья осталась – куда им ехать, да и кто их возьмёт?.. Начали молодёжь угонять на работу в Германию. Хоть Дуся и выглядела очень молоденькой девочкой, но ей уже исполнилось 15 лет, и мама боялась, что кто-нибудь из соседей проговорится немцам, а таких «доброжелателей» было много. Говорят же: не приобретай дом – приобретай соседа. Дусина мама отправила детей на хутор. Отвезла их сама, наказала никуда не выходить, свекровь и сосношницу предупредила, что будет приезжать, привозить, что сможет, и помогать по хозяйству. Так как Дуся маленькая и худенькая, пусть говорят, что ей 12 лет – в Германию угоняли девочек с 14 лет.

Санаторий, где раньше работала мать, вновь превратили в госпиталь, но только для раненых немцев. Мать забрали туда прямо из дому – кто-то проговорился, что она работала там, или нашли конторские книги в отделе кадров, где есть адреса, но за мамой явились, и ей пришлось идти ухаживать за немцами. Почти все, кто трудился в госпитале, были местными жителями, за исключением врачей. Иногда привлекали и наших врачей – старых людей, глубоких пенсионеров, у которых не было другого выхода. Нужда крепче закона. Никто их не уважал, но все всё понимали и не осуждали. Было очень тяжёлое время... Почти два года Морегорск был оккупирован захватчиками. Жители Морегорска, как и жите-

ли всей страны, перенесли большие испытания в этой проклятой войне. Дуся с братом пряталась все дни оккупации на хуторе. Весной 1944 года Морегорск освободили. Радости жителей не было предела. Правда – сильнее силы.

Через некоторое время заработала почта. И сразу Дусина мама получила похоронку на своего мужа. Письмо шло долго, целых два года. С этим письмом, с опухшим от слёз лицом мать приехала на хутор, чтоб сообщить горькую новость свекрови и забрать детей. Увидев во дворе дома соседей, она испугалась и сразу стала искать глазами дочку и сына. Те увидели мать и побежали к ней.

– Дуся, что случилось? Я вообще-то за вами, домой едем.

Сын, услышав это, обрадовался – он хотел домой, на море.

– Mamочка, – Дуся заплакала, – на дядю похоронка пришла. Бабушка лежит, причитает.

Дусина мама отправилась в дом. Свекровь встретила её стенаниями, а потом спросила:

– Ты что ж чёрный платок надела? Уже и в городе слух прошёл, что моего младшего убило?

– Нет, мама. Я чёрное по твоему старшему сыну надела. Погиб мой муж геройски, отец ваш, дети, – Дусина мать повернулась к Дусе и сыну.

Бабушка Дуси ровно сорок дней после известия о смерти сыновей лежала на кровати и не вставала. За день до смерти она вдруг поднялась, достала из сундука икону, положила на стол, зажгла свечу и стала молиться. Маленькие внуки

позвали мать.

– К детям ухажу, – сказала свекровь младшей снохе. – В сундуке всё моё смертное. Держитесь друг за дружку. Детей береги.

...Под утро она умерла.

А Дусе шёл уже 17 год. На хуторе, на кашах и тесте, она поправилась, похорошела. Мама устроила её работать в госпиталь, и параллельно она училась на медицинских курсах. Раненые красноармейцы кто лечился, а кто восстанавливался после ранений. Дуся уже работала медицинской сестрой. И как-то к ним привезли целый грузовик раненых лейтенантов. Молоденькие, они всем курсом попали под арт обстрел. Медсестрички самозабвенно ухаживали за этими безусыми двадцатилетними юношами. После лечения их ждал фронт, а пока они восстанавливались – флиртовали, веселились. Один из них, Николай, серьёзный молодой человек, всегда молчал, только иногда читал книги, которые приносил им медперсонал, и вспыхивал при каждом появлении Дуси. На свой день рождения, а ей исполнилось целых 17 лет, она дежурила. Мама испекла много пирожков: и с капустой, и с картошкой, и сладких. Дуся, укутав одеялом большую кастрюлю с угощениями, принесла её в госпиталь, в котором проходила её жизнь: здесь работали подруги, мама, и даже младший брат помогал рабочим по территории. Положив с десяток пирожков в тарелку, Дуся пошла в ординаторскую и угостила дежурных врачей. На обратном пути она увидела

Николая: он потихоньку курил в коридоре, опираясь на тросточку, – левая нога у него была в гипсе.

– Больной, – строго сказала Дуся, – вам нельзя курить, тем более здесь запрещено – только за пределами госпиталя. Можете выйти во двор, хотя уже очень поздно.

– Извините, сестричка, сам до выхода не доковыляю: буду стучать палкой – разбуду всех, – оправдывался Николай, спрятав папиросу в руке.

– Немедленно затушите! Вы губите своё здоровье, – отчитывала раненого Дуся, как вдруг увидела у него в руках фото, которое он не успел спрятать. – А это чьё фото? Девушки? Покажите?

– Нет. Мамино. Вернее, наше семейное, – тихо произнёс лейтенант и протянул ей карточку.

– Ой, я вас узнала, хоть вы здесь совсем мальчик! А это папа, мама и братик, верно?

– Верно. У мамы сегодня день рождения.

– Поздравляю. И у меня, – осмелела Дуся. – Пойдёмте за мной, пойдёмте.

– Куда это? – заинтересовался Николай.

– Отметим и мой день рождения, и вашей мамы.

– Хорошо, я сейчас не прочь выпить.

– Попьём, конечно.

Сидя в тесной медсестринской комнатке, они пили чай и ели мамины пирожки.

– А я думал, что вы сто грамм нальёте, – краснея, сказал

Николай.

– Я не пью и не люблю, когда другие пьют. Мой папа никогда не пил, только по праздникам.

– Отец на фронте? – поинтересовался Коля.

– Мой отец погиб в начале войны в Белоруссии.

– И мой погиб, – сказал Коля. – В 1943 году на Северном Кавказе.

– Моя мама тоже здесь работает, санитаркой. А я медсестра, правда, училище окончу через полгода, но меня взяли на работу. Квалификационная комиссия проверила и утвердила, – с гордостью тараторила Дуся – ей очень хотелось понравиться Коле.

– Вкусные пирожки, – тихо сказал Николай. – Моя мама тоже такие пекла.

– Вот приедешь после войны в свой Смоленск, и мама тебе снова напечёт.

– Не напечёт.

– Почему это не напечёт? – Дуся аж замерла в недоумении.

– Я был в казарме, когда ночью началась усиленная бомбардировка. Мама с братиком спали дома, они не успели спуститься в убежище. Погибли сразу. Утром вся моя рота расчищала завалы. Я их обоих нашёл и похоронил. Отцу написал. Но отец вскоре сам погиб. Вот так я и остался один. Извини, что тебе всё выложил.

Дуся встала, прошла к шкафчику, налила в маленькую мензурку спирта и поставила перед Колей. Он сначала не по-

нял, потом залпом выпил. Тут кто-то позвал сестричку, они оба вышли. Дуся закрыла комнатку: нельзя оставлять открытой – военное время.

– Я тебя в коридоре подожду, тихо покурю, можно?

– Кури уж, я скоро буду, – и Дуся побежала на помощь больным и раненым.

В ту ночь им больше не удалось поговорить – приехала машина с ранеными, и Дусе было некогда.

– Ты иди в палату, Коля, – большой наплыв раненых.

Я потом к тебе зайду сама.

...То, что происходит с каждым из нас, уже происходило с кем-то другим. Мы думаем, что только с нами может случиться такое чудо, как любовь, только у нас такой прекрасный, умный, добрый друг. Но всё это когда-то с кем-то было.

Теперь Дуся с ещё большим рвением спешила на работу, заменяла всех, кто ни попросит, на ночных дежурствах – ждала встречи со своим Коленькой. Все вокруг видели, что у ребят неземная любовь. Коля всё время околачивался в коридоре, высматривая Дусю. Друзья по училищу, такие же раненые офицеры, как он, дразнили вечно:

– Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй, а то барышня придёт, поцелует и уйдёт!

Коля не обижался, а только хохотал вместе с ними. Любовь его сделала добрым и счастливым.

Но вот до мамы Дуси дошли слухи.

– Евдокия, ты мне ничего не хочешь сказать?

– А что, мама?

– Не прикидывайся дурочкой, Евдокия. Весь госпиталь гудит о вашей неземной любви. «Дуся, Дуся, я в тебя влюбился». Дусенька, я же тебя предупреждала о таких случаях в нашем госпитале ещё до оккупации, когда наши девочки крутили романы, а раненые – то женатые, то обманщики. Мужикам доверия нет. До свадьбы – ни-ни. Ты же медик, сама понимаешь.

– Мама, я видел, как они целовались на лавочке за фонтаном, – вмешался брат, который тихонько стоял за дверью и подслушивал.

– Мама, – стала ныть Дуся, – что он тут стоит подслушивает? Трепло.

– Я не трепло! – надулся брат. – И не стал сразу маме говорить, я же не стукач, – и гордо удалился, при этом со всей дури хлопнув дверью: пусть знают, что он обиделся.

– Евдокия, у вас что-то было? Ты понимаешь, о чём я говорю, – мама называла дочь только Евдокией. Ей не нравилось вообще имя Дуся, но муж назвал дочь в честь своей матери, и она возражать не смела, тем более свекровь у неё была хорошей женщиной, а внучку свою просто обожала.

– Нет, мама, у нас ничего не было и не будет до свадьбы. Но мы хотим пожениться. Через месяц Коле на фронт.

– Доченька, – мать даже всплакнула, – тебе только 17 исполнилось. Не рано ли? Может, подождёшь? Как приедет с войны победителем, тогда и свадьбу сыграем.

– Мамочка, свадьба мне не нужна, а приедет или нет – это ещё вопрос. Ма-а-а, у него никого нет. Я его семья, а теперь и мы, – и Дуся рассказала маме историю Колиной такой короткой, но уже горькой жизни.

Мама была разумной женщиной, она сначала пригласила Колю в гости в ближайшее воскресенье: надо познакомиться, поговорить. Потом пошла к главврачу, всё ему рассказала. Тот имел право расписать раненых по законам военного времени – это входило в его обязанности. Главврач пообещал сделать образцово-показательную свадьбу. Он позвал парторга и комсорга и обязал устроить всё как надо. Дусиной маме дал поручение сшить невесте платье и фату. Вызвал завхоза и приказал выдать матери белой ткани и марли. Осталось только уточнить день.

Мама Дуси ходила в управление рыболовецкого совхоза, рассказала о своей вдовьей доле и о том, что дочь выходит замуж за боевого офицера, что она втроем с детьми живёт в одной маленькой комнатухе, а рядом пустует такая же, и неизвестно, когда люди приедут из эвакуации, заручилась поддержкой главврача, и эту комнату решили выделить молодым.

Коля маме понравился. Брат ходил за лейтенантом как нитка за иглой, смотрел ему в рот и решил стать военным, но только моряком – в Морегорске все мечтали стать моряками. Свадебное платье шили всем бараком: у кого-то нашлась тюлевая накидка на подушки, из неё сделали фату, у

кого-то – обрезки кружев. Этому платью могла позавидовать любая богатая невеста.

И вот наступил долгожданный день свадьбы. В актовом зале столы, накрытые белыми простынями вместо скатертей, расставили буквой «П». На столах – праздничная еда (повара госпиталя постарались), всё было красиво и изысканно, даже торт стоял на отдельном столике. На сцене был приготовлен стол для жениха и невесты и несколько стульев для баяниста и почётных гостей. Гости – свободный от обязанностей медперсонал и раненые бойцы – уже сидели за столом. Мама и приехавшая из хутора тётя с детьми, мамыны и Дусины подруги тоже сидели. Дусин младший брат, чистенько одетый и причёсанный, восседал с таким важным видом, что становилось смешно, глядя на него. Вдруг раздался гул голосов: на сцене появился главврач, одетый в военную форму и при орденах, и ещё несколько мужчин. Следом вышла какая-то девчушка и сообщила торжественно, с волнением в голосе: «Встречайте жениха и невесту!», а затем побежала к патефону и поставила пластинку с маршем Мендельсона (где она нашла эту пластинку – одному Богу известно, но факт остаётся фактом). Держа жениха под руку, очаровательная невеста вошла через главный вход в зал. Сделав несколько шагов, молодые внезапно остановились: такого величественного зрелища они не ожидали увидеть и даже подумать не могли, что им устроят такую свадьбу. Дуся еле сдерживала слёзы, но боялась расплакаться, потому что кто-то из по-

друг подкрасил ей ресницы бог весть откуда взявшейся тушью. Николай ещё сильнее оперся о тросточку. Тут раздался зычный голос главврача госпиталя: «Молодые, проходите на сцену». Потом он махнул рукой девушке, чтоб выключила патефон.

– Мои дорогие Евдокия и Николай, от имени советской власти я имею полномочия зарегистрировать ваш брак. Вы являетесь примером для всех советских молодых людей. Николай – боевой офицер, и через десять дней отправляется на фронт, Евдокия – одна из лучших медсестёр нашего госпиталя. Я желаю вам счастья, а нашей стране – победы. И поэтому перед лицом стольких свидетелей объявляю вас мужем и женой. Ура, товарищи!

Вслед за главврачом все закричали: «Ура! Ура! Ура!», и главврач передал жениху свидетельство о браке.

– А теперь, – продолжил главврач, – слово предоставляется директору рыболовецкого совхоза.

– Дорогие мои жених и невеста... Прошу прощения, уже муж и жена, – раздался смешок в зале, – актив рыболовецкого совхоза выделил вам комнату. Дуся, твой отец добросовестно трудился в нашем совхозе и геройски погиб, защищая родину. Как дочери павшего бойца, мы тебе выделяем комнату.

– Спасибо большое, – тихо произнесла Дуся.

Тут слово взяла молодая девушка, комсорг госпиталя.

– Комсомольская организация госпиталя дарит вам ком-

плект постельного белья и подушку с одеялом! Девочки, за-
носите.

Вошли несколько девушек и занесли какой-то тюк. Не зная, куда его деть, они замерли на сцене. Выручил их главврач: опять махнул кому-то рукой, как волшебник, – появился мужчина и отнёс тюк за сцену. В зале уже начался откровенный смех, особенно изощрались врачи-мужчины, потешаясь над молоденькими медсестричками. Но те не стушевались, а прочли Дусе и Николаю стихотворение Константина Симонова «Жди меня». Эти молоденькие девочки читали поочерёдно так вдохновенно, что смех тотчас смолк и раздались тихие всхлипывания женщин. Потом комсорг объявила танец молодых. Николай прислонил тросточку к стулу, баянист заиграл медленную мелодию, и молодые спустились в зал. Они скользили в вечном танце любви, музыку и слова к которому много тысячелетий назад придумала природа. Свадьба была роскошной. Роскошной в своей искренности и любви. Эту свадьбу в госпитале ещё долго помнили. Фотокорреспондент местной газеты запечатлел молодых, о них писали и местные, и краевые газеты, и даже военные агитационные листки рассказывали об их свадьбе.

Коля побыл в Морегорске с Дусей не десять дней, а целый месяц. Отправляясь на фронт, он уже знал, что они ждут ребёнка. В каждом письме он спрашивал Дусю о самочувствии. Договорились, что если родится мальчик, то назовут Виктором – победителем, а если девочка, то Людмилой – людям

милой. О том, что у него родилась дочь, Николай знал и писал ей на память смешные и интересные двустистишья. Говорил Дусе: «Как подрастёт дочка – дашь почитать». А Дуся писала ему: «Сам приедешь и прочтёшь». Последнее письмо было в апреле 1945 года из Венгрии. Шли кровопролитные бои у озера Балатон, и Коля обещал, что скоро доберётся до Берлина и распишется на рейхстаге. Больше от него писем не было...

Дуся ждала и верила, ходила в военкомат, выясняла. В сентябре 1945 года её вызвали и показали письмо, где было написано, что Николай героически погиб в Венгрии, но где похоронен – неизвестно, поисковики ищут. И так все 30 лет. И только перед тридцатилетием Великой Победы, в мае 1975 года, ей сообщили, что нашли останки многих солдат, в том числе и её мужа, и пригласили на открытие обелиска. Она съездила в Венгрию и лишь через тридцать лет позволила себе поверить в то, что её муж погиб и в этом земном мире она его больше не увидит – надо надеяться только на небесную встречу.

Глава 5

Эмилия с Еленой и Дашенькой поехала ночевать в новый дом. Герман остался у бабушек. Он решил прогуляться по улице, а затем спуститься к морю, полюбоваться его красотами, ведь до семи лет он жил у бабушки в Морегорске. Это потом он пошёл в школу в Москве, но всё равно каждые каникулы проводил тут. Местная необыкновенная природа завораживала его всегда. Самый узкий проход между горами и морем был уникален по своему географическому расположению, и именно здесь располагался этот маленький, но очень красивый исторический город. Любителей морского отдыха неизменно привлекал жёлтый морской песок почти на всём побережье, а романтиков и специалистов – развалины старинной крепости, катакомбы, пещеры. Герман очень любил город своего детства. Уже смеркалось, и солнце поспешило на свидание с луной. Даже издалека было видно, как солнечная дорожка сужается и исчезает, и светило, горя багряными цветами, уходит за горизонт. Обилие красок: пурпурно-красное зарево заката и синий бархат морской воды – незабываемое зрелище. Так, любуясь красотой морского пейзажа, Герман дошёл до того места, где обычно они с мамой сидели и любовались морем, болтали, смеялись, делились своими впечатлениями за день, и остановился как вкопанный – их любимый валун был занят. Какой-то незнако-

мый мужчина сидел на их месте и курил, глядя вдаль. Глубоко задумавшись, мужчина даже не заметил Германа.

– Здравствуйте, – обратился Герман к нему. – Вам тоже нравится это место?

– Да, – незнакомец даже не повернулся к нему. – В детстве мы часто здесь сидели, наше любимое место.

– И мы тоже. Можно присесть?

– Садись, конечно, валун большой.

– И мама всегда говорит «валун». Как только я скажу «камень», она меня поправляет. Она тоже здесь в детстве часто сидела.

– Местные дети и молодёжь любят этот валун. Все с окрестных мест здесь сидели, – мужчина наконец повернулся и внимательно посмотрел на Германа. – Курить будешь? – и протянул Герману сигареты.

– Нет, спасибо, я не курю. Как-то пытался, лет в 14, но мама поймала, долго мне всё объясняла, и я ей дал слово.

– Молодец, что слово держишь. Дал слово, тем более родителям, – держи.

– Я очень люблю Морегорск, ведь до семи лет здесь жил у бабушки, потом только к маме поехал.

– Ты вроде говорил, что мама местная.

– Да, она местная. Но только после школы уехала поступать в Москву, да так там и осталась.

– Я тоже уехал в Ленинград поступать. И домой приезжал редко, о чём очень теперь жалею.

– Здесь очень красиво. Бабули всё меня зовут сюда. Чуть что – «приезжай» и «приезжай». Мама вот часто проведывает их – они уже старенькие.

– А я приехал насовсем. Всё. Баста. Списали на землю. На пенсию вышел.

– На пенсию? Да вы же молодой для пенсионера! – Герман искренне удивился.

– Я – капитан первого ранга, у нас рано на пенсию уходят. Решил здесь остаться. Иногда жизнь ставит в такую ситуацию, когда нужно принять обдуманное, твёрдое решение, и я принял.

– Вы, как мама, выражаетесь, – улыбнулся Герман. – Она у меня такая. Мне кажется, что она хочет тоже остаться здесь, но пока молчит.

– Знаешь, когда мой отец умер, я был в далёком походе и не смог приехать проводить его. А мать уже старенькая, не хочу её одну оставлять, да и в Питере мне нечего делать.

– Мой отец тоже умер или погиб, я даже не знаю, где он похоронен. Это произошло, когда я ещё не родился, родители не успели даже пожениться. Вот так.

– Сочувствую. Но зато у тебя хорошая мать, – мужчина участливо посмотрел на Германа, – и вырастила хорошего сына.

– Мама смеётся, говорит: «Несмотря на то что тебя вырастили одни женщины, ты стал настоящим мужчиной», – и Герман замолчал. – Не подумайте, что я хвастаюсь. Это ма-

ма так говорит.

Мужчина улыбнулся.

– Я и не думаю. Давай знакомиться. Меня зовут Дубов Сергей Петрович.

– Очень приятно. А меня – Белявский Герман Александрович.

Они пожали друг другу руки.

– Белявский? – вдруг переспросил мужчина.

– Да. Я мамины фамилию и отчество ношу, – объяснял тихо Герман мужчине.

– Ну что ж, и фамилия хорошая, и отчество, – Сергей внимательно смотрел на парня. – А маму твою случайно не Мила зовут? – вдруг неожиданно для себя спросил.

– Мила. Эмилия. Когда мама родилась, дедушка хотел назвать её в честь бабули Людмилой, но бабуля говорит: не надо Людмилой (тем более все её Людой звали). Пусть будет Милочкой, а полное – Эмилия. Дед согласился – он бабушку очень любил.

– Твой дедушка умер, когда твоя мама ещё малая была, в начальных классах училась? – опять задал вопрос Дубов.

– Да, – Герман удивлённо посмотрел на мужчину. – А вы откуда знаете?

– Откуда знаю? – Дубов рассмеялся. – Так я одноклассник твоей мамы и друг детства. Мы соседи, и наши родители всю жизнь дружили. Тётю Клаву знаешь?

– Конечно, знаю. Она бабулина подруга и вообще близкий

нам человек.

– Вот я и есть сын тёти Клавы.

– Очень приятно познакомиться с капитаном первого ранга. Тётя Клава о вас много рассказывает, когда к бабуле приходит.

– А мама здесь? – поинтересовался Дубов.

– Здесь, но она ночует с подругой в другом доме, – Герман охотно всё рассказывал маминому другу детства.

– У Таньки Бажановой, что ли? Они и в детстве друг у друга ночевали.

– Вы и тётю Таню знаете?

– Конечно. Мы же одноклассники. Крепко дружили раньше. У нас хорошая компания была, – Дубов мечтательно смотрел на море. Хорошие воспоминания порой греют душу, даже иногда могут отогреть самое холодное сердце.

– Нет, не у тёти Тани. Мама построила новый дом для бабушек, но они не хотят туда переезжать. Так мама сейчас там с тётей Леной ночует, они партнёры, и по совместительству тётя Лена – моя крёстная.

– Ясно, Герман. Пойдём, что ли. Уже поздно. Бабушки беспокоятся, наверное. И моя мама не ляжет, пока я не вернусь. Кстати, я с утра завтра собираюсь на рыбалку. В 05:00 буду у валуна. Хочешь, пойдём со мной.

– Я с удовольствием. Мне только к вечеру в шоу-рум.

Ой, дядя Серёжа, а у меня ни удочки, ни спиннинга.

– У меня есть запасные, возьму и на твою долю. А «шоу-

рум» что такое, Герман? Я человек военный, этих терминов не понимаю.

– Это магазин такой, дядя Серёжа, где будут продаваться мамины шубы. У нас ведь в Москве большая фабрика и магазины.

– Это хорошо, что ты с мамой вместе. Вот потихоньку и дошли. Мне немного выше.

– Я знаю, я в детстве к тёте Клаве часто ходил с бабушкой.

– Тёте Люде привет, баб Дусе тоже. Пока. До завтра.

– До завтра, дядя Серёжа, – и Герман радостно потопал в дом.

...Сергей тихонько, чтоб не шуметь, открыл дверь.

Но мать не спала – вышла его встречать в прихожую.

– Серёжа, ты?

– Я, мама, кто ещё?

– Никто. Просто ждала тебя. Ужин на столе, уже и остыл. Пойду согрею. Что-то ты засиделся сегодня на своём валуне. Пошёл бы в город, погулял, развеялся.

– Я на море смотрю, мама. Скучаю.

– Чего скучаешь? Всю свою жизнь на море провёл.

– Ты знаешь, мама, – Серёжа вышел из ванной и появился на кухне, – парнишку встретил, поговорили. Хороший парень. И знаешь кто?

– И кто? – Клавдия насыпала ужин сыну и любовалась, с какой охоткой он ел – проголодался, видно.

– Сын Милы Белявской, моей одноклассницы.

– Герка? На валун пришёл? Он часто туда ходит, когда здесь бывает. Видать, сегодня приехал. Милка уже несколько дней как тут.

– Герман. Один был. Без Милы.

– Милка его Германом назвала, а тётя Дуся это имя ненавидит, Герой его зовёт. Ругается с Милой за это.

– Мальчик говорит, что фамилию носит Милкину. И такой расстроенный. Где ж её московский муж, отец ребёнка?

– Какой муж? Мужа и не было в помине. Когда в Москву поехала поступать в институт, так сразу и познакомилась с парнем, таким же абитуриентом, на подготовительных курсах. За этот месяц любовь и случилась. А когда Милка очуталась и поняла, что забрюхатела, его и след простыл. Не поступил и уехал в родной город. А Милка осталась в Москве, поступила, потом на заочный перевелась, Людку к себе вызвала, родила Герку. Люда полгода там была с ребёнком. А потом его вообще сюда привезла. Мальчик здесь и жил до самой школы. Милка приезжала, уезжала. Она институт окончила, стала заниматься бизнесом, раскрутилась.

В этом плане она молодец.

– Так её муж так и не объявился?

– Какой муж, сынок? У неё отродясь мужа не было. А мы как мечтали вас поженить. Обе беременные ходили, как уточки, почти одновременно родили. Сначала ты, потом Мила. И у обоих у вас жизнь не заладилась.

– Почему это не заладилась, мать? У Милки сын вон мо-

лодец какой, у меня дочь, красавица моя.

– Ага. А где ваши мужья, жёны? Твоя, курва, гуляла, пока ты в поход ходил, жизнью рисковал, деньги зарабатывал. Одно место у неё чесалось. Шалава!

– Мама, ну хватит.

– Что «мама», сынок? Сам первый начал. А что ребёнку внушает: главное для девочки – вырасти привлекательной и удачно выйти замуж. Чему она научит её?

– Мама, дочке уже семнадцать лет, и в этом году она оканчивает школу. Пускай поступает, куда хочет, я ей помогу, – Сергей уткнулся в еду и замолчал.

Неудачи на любом поприще – это очень больно, а семейная жизнь – это главное дело нашей жизни, и когда она не заладилась – вдвойне больно.

– А у Милки сейчас хахаль какой-то есть, лет пять вместе живут. Моложе её, Герка его не любит, даже ушёл отдельно жить от матери. Они пару раз сюда приезжали, но тётя Дуся такое лицо ему выдала, что он и не показывается больше. Людка его называет «альфонс несчастный». В общем, что там говорить... и Милке не повезло.

...Герман спал как ребёнок после прогулки с Дубовым. Дурманящий запах сирени щекотал ему ноздри, разноцветные сны, которые он не запоминал, всегда сулили удачу. Он знал, что после этих снов день задастся, и ожидал от него чуда. Будильник сработал вовремя, и Гера тихонько выскочил из дома, боясь разбудить бабушек. На удивление они даже

не проснулись, и радостный парень вприпрыжку побежал к валуну. Дядя Серёжа уже его ждал. Так началось их мужское развлечение и работа – ведь они добывали рыбу для своих женщин. Герман получал истинное удовольствие от общения с Дубовым. Его рассказы о море, о походах, о Питере завораживали парня. Сергею было видно, что Герману не хватает мужского общения, крепкой мужской руки. Гера же рассказал Дубову о работе, о маме, об открытии шоу-рума и обещал дать два пригласительных билета на банкет в честь открытия. Дубов рассмеялся:

– Нет, парень, два билета не нужно. С кем я приду? Мне не с кем.

– Открытие через несколько дней. Вдруг ваша жена придет к тому времени.

– Да нет у меня жены, мы с ней разошлись. А дочь приедет только в августе – она сейчас в выпускном классе учится.

– Тогда придёте с тётёй Клавой. Бабушка тоже будет.

– Хорошо, приду. И Милу увижу, и Таню.

– Как здорово. Будут гости из Москвы. Дядя Серёжа, а вы можете свою форму надеть капитанскую? Китель и всё остальное.

– Да нет, Герман. Зачем это? Я же уже пенсионер.

– Я вас очень прошу, это мне надо.

– Зачем тебе это, никак не пойму, но надену, раз так просишь.

– Спасибо большое. Вечером мы не сможем увидеться, но

позже я забегу и принесу приглашительные билеты.

– Гулять идёшь? – поинтересовался Сергей – ему хотелось вечером ещё раз встретиться с парнем.

– Нет. Какой гулять, что вы. Времени нет. Надо идти в торговый центр помочь с раскладкой, в пять репетиция ма-некенщиц – не до гулянок.

– Смотри там, не влюбись в красоток – на море легкомысленные девчонки живут.

– Я не влюбчивый. Мне уже 27 лет, но я ни разу не влюблялся по-настоящему.

– О, я вижу, ты твёрдый орешек, – Дубову всё больше нравился этот парень – серьёзный, умный, откровенный. «Хорошего сына вырастила Милка», – подумал он про себя, а вслух сказал: – Ну что ж, пока, буду ждать тебя с приглашительными и рассказами о модельках, – и Сергей усмехнулся.

Герман прибежал домой с двумя рыбинами в ведре, которые ему дал Дубов. Баба Люда уже хозяйничала во дворе – полола грядки и сажала рассаду под плёнку.

– Герочка, где ты был с утра пораньше? А я ещё смотрю – дверь входная открыта, думала, что забыла закрыть. Заглянула к тебе в комнату, а тебя нет. Небось на море побежал, с Сергеем договорился?

– Да. С дядей Серёжей рыбу ловил. Держи, бабуля, улов. Лобань.

– Ой, спасибо, кормилец ты наш! Ты – моя надежда. Нажарю, Мила с Еленой придут, поедят. Иди, перекуси на кух-

не.

– Хорошо, бабуля, а потом посплю немного.

Когда Герман пришёл в шоу-рум, там уже были все: и мама, и Елена, и тётя Таня, и много красоток. Женским вниманием Гера не был обделён и смазливых мордашек видел много, но местные девочки были вне конкуренции. Их красота была естественной, сочной, непосредственной. Девочки не жеманились, не кокетничали, и при этом несли себя как королевы. Четыре красотки дефилировали по подиуму в изделиях их фирмы, а Мила что-то им говорила. Елена вела беседу с продавцами-консультантами. Даша уселась на первый ряд и с открытым ртом разглядывала девушек. Герман направился к Тане, чтобы помочь ей с раскладкой изделий, ценниками и т. д. Работы было много.

– Тётя Таня, мне нужно два пригласительных на наше открытие и банкет. Остались ещё?

– Да. Есть. А для кого, если не секрет? Девочку нашёл себе?

– Да нет. Знакомому.

– А кому это? Я его знаю? Может, я уже дала билет.

– Нет, не дали. Кстати, вы его знаете – это ваш одноклассник, капитан первого ранга.

– Серёжке Дубову, что ли? Интересно, чего это он удумал пойти? На него не похоже.

– Это я уговорил. Пусть увидит, какие у нас прекрасные изделия.

Герман долго делал раскладку витрин, потом помог отпарить изделия. Как только освободились продавцы и прибежали на помощь Татьяне, он направился к подиуму, плюхнулся в кресло рядом с Дашей и начал бесцеремонно разглядывать манекенщиц. Вдруг появилась мать, села рядом с ним, погладила его по голове, как в детстве, пригнула к себе и поцеловала в макушку.

– Я соскучилась по тебе, сынок.

– И я, мама.

– Что, девиц разглядываешь? Хорошенькие, правда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.